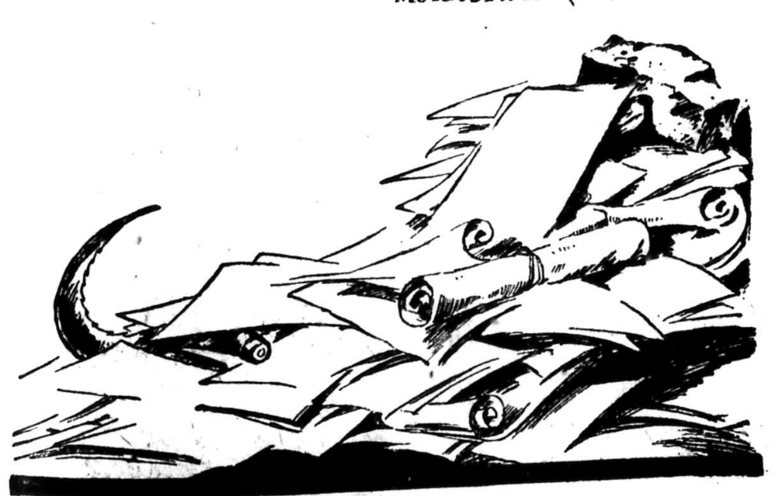

КРАСНАЯ ЛЕТОПИСЬ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ПЕТРОГРАДСКОГО БЮРО КОМИССИИ по ИСТОРИИ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ и РОССИЙСКОЙ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ

№ 5

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА . . 1923 . . ПЕТРОГРАД

1923

ПЕТРОГРАДСКОЕ БЮРО КОМИССИИ ПО ИСТОРИИ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ И РОССИЙСКОЙ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

КРАСНАЯ ЛЕТОПИСЬ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

№ 5

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА · · 1922 · · ПЕТРОГРАД

Гиз. № 1121. Отпеч. 6.000 экз.
= „ПЕЧАТНЫЙ ДВОР" =
Типогр. Государств. Издат.
Петроград. Гатчинская, 26.

СОДЕРЖАНИЕ.

№ 5.

I. Статьи и воспоминания.

II. Исторические сообщения, материалы и документы.

СТАТЬИ И ВОСПОМИНАНИЯ

ЭПИЗОДЫ В ИСТОРИИ УКРАИНСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ.

Директория (ноябрь 1918 г.—январь 1919 г.).

I.

Осенью 1918 года Украина пережила славный период своей, так называемой, «второй революции»—свержение режима гетманщины и германо-австрийской оккупации.

Это были воистину славные, революционные дни.

Как только пришли первые сведения о крахе германского кайзера и начале революции в Германии и Австрии вся украинская демократия взялась за оружие и стала очищать страну и от оккупантов и от всякой масти генералов, как «самостийных», так и «единонеделимых» (деникинского толка). Мы говорим, конечно, о подлинной демократии, о трудящихся, о рабочих и крестьянах, а не о меньшевиках и с.-р-ах, которые присвоили себе название «революционной демократии» и во все периоды революции предпочитали быть либо против трудовых масс («просвещенные европейцы в Азиатской России»), либо в стороне от движений последних.

Для характеристики позиции, которую занимали правые социалисты в этот труднейший и ответственный момент, достаточно привести несколько штрихов.

21 мая 1918 года, уже после апрельского переворота, когда группа титулованных «хліборобов» и крепчайших «куркулей» (кулаков) провозгласила в Киевском цирке генерала Павла Скоропадского гетманом «всея Украины», а Центральная Рада была так невежливо разогнана прусским лейтенантом, в Киеве состоялась всеукраинская конференция профессиональных союзов, на которой, в силу условий момента, подавляющее большинство принадлежало меньшевикам.

Это видно из состава докладчиков (Гарви, Брук, Рафес, Наумов-Гинзбург, Балабанов, Шабан, Черный, Трахтенберг и Терехов—сплошь меньшевики), из принятых резолюций, из самодовольного заявления газеты «Рабочая Жизнь», органа Всеукраинского Комитета и Киевского Комитета меньшевиков: «Конференция прошла под знаком наших традиций» (29/16 мая 1918 г. № 71, передовица «Итоги съезда профессиональных союзов»).

Это, наконец, видно из результатов голосования по самому боевому вопросу, по докладу «о тактике экономической борьбы», при котором большевики и левые с.-р-ы заявили, что они не будут принимать участия в голосовании, и резолюция принята большинством 376 против 5 при 21 воздержавшемся и 72 не принимавших участия в голосовании делегатов.

Правительственная политика была уже достаточно ясна. Наглый, циничный поход предпринимателей против рабочих, против всех достигнутых ими завоеваний, террор во всех формах и видах, разгон профессиональных организаций, массовые аресты рабочих, разгул «варты» (полиции), контрибуции с крестьян и жестокая месть со стороны помещиков, возврат к власти всех свергнутых февральской революцией царских деятелей—таков был «текущий момент». И сами меньшевики должны были признать, что речь идет не о «нормальной и естественной» буржуазной реакции, а о голой, ничем даже не прикрашенной реставрации монархии. «Рабочая Жизнь» в № 69 от 26/13 мая 1918 г. устами передовика констатирует, что «руками либерально-буржуазного правительства создаются предпосылки реакции феодально-помещичьей».

Какую же тактику рекомендуют выплывшие на поверхность рабочей жизни, вследствие поражения революции, меньшевики?

В резолюции «о задачах и тактике проф. союзов в связи с текущим моментом» конференция заявляет, что «профессиональному движению на Украине угрожает в настоящее время величайшая опасность со стороны восторжествовавшей при помощи чужеземных штыков буржуазно-помещичьей реакции, посягающей на все политические, экономические и национальные завоевания революции и стремящейся к восстановлению старого порядка, с которым совершенно несовместимо свободное развитие профессионального движения и экономической борьбы рабочего класса», а потому... прежде всего «решительно отвергает всякие новые призывы к рабочему классу снова встать на путь борьбы за власть советов». И дальше, «отвергая путь рискованных и авантюристских опытов», профессиональные союзы должны по вопросу о массовых выступлениях «проявлять крайнюю осмотрительность».

Пугая пролетариат возможностью полного разгрома рабочего класса и его организаций в случае проявления «неосмотрительности», как будто то, что происходило, не являлось полным разгромом, руководители на час занялись всяческим угашением революционного духа рабочих.

Мало того, что не рекомендуются выступления против «буржуазно-помещичьей реакции», рабочие приглашаются к сотрудничеству с нею. В резолюции по докладам Наумова и Сандомирского о «регулировании промышленности и государственном контроле» проводится мысль, что необходимо добиваться создания органов «государственно-общественного контроля», причем: «2. В государственно-общественных органах контроля и регулирования должны участвовать представители демократии и рабочих организаций. 3. Профессиональные союзы должны вести энергичную борьбу за право представительства союзов и других рабочих организаций в этих органах».

Мысль о сотрудничестве с «Суовнеами» и «Протофисами» (объединениями капиталистов) и германской властью казалась так заманчивой, что она повторяется в целом ряде резолюций, принятых на конференции. По докладу Балабанова «Рабочее законодательство» признается «необходимым участие рабочих в особом комитете при Министерстве Труда (гетманском! *С. Г.*), поручив организовать это представительство Всеукраинскому центру профессиональных союзов. На обязанности професс. союзов и объединений их должны лежать всемерная поддержка этого представительства и привлечение внимания возможно широких рабочих масс к выдвигаемым в порядок дня вопросам рабочего законодательства».

В резолюции «о тактике экономической борьбы» меньшевики, «не питая каких бы то ни было иллюзий», рекомендуют: «Не стремясь к участию в управлении хозяйственно-технической деятельностью предприятия и отвергая идею так называемого рабочего контроля, рабочие должны добиваться... общественно-государственного регулирования народного хозяйства и участия рабочих представителей в органах регулирования».

И, наконец, в заботах о протофисной промышленности конференция в лице своего большинства рекомендует принимать «все меры к повышению производительности труда, в том числе установлению в случаях необходимости нормы выработки» (резолюция о рабочем законодательстве).

Конечно, «Киевской Мысли» эта конференция очень понравилась. В передовой № 87 от 28/15 мая она захлебывается от восторга, подводя итоги работам конференции. «Из всех бывших», пишет она, «в последнее время на Украине съездов профессиональный съезд является наиболее полным и авторитетным... (делегаты) представляли подлинные массы, их социальный удельный вес чрезвычайно высок, и голос съезда должен привлечь к себе внимание широких общественных кругов. Это... голос масс» и т. д.

Но, конечно, масса не прислушивалась к советам меньшевиков. Газетные столбцы пестрят сообщениями о забастовках во всех без исключения городах, местечках и заводах Украины, вплоть до грандиозной забастовки железнодорожников; деревня «неосмотрительно» подымала восстание за восстанием, вплоть до знаменитого восстания таращанцев, трудовые массы «питали иллюзии» и всячески вооружались, стекались к пограничной полосе и на т. н. нейтральной зоне формировали повстанческие полки, но правые социалисты в лице своего Всеукраинского Совета профессиональных союзов действовали по своей программе: «начиная от элементарных основ организационного строительства и кончая работой законодательного характера, что составляет высшее (!) проявление сознательной воли организованного пролетариата». Ясно, что они поставили себя вне движения, все нараставшего вплоть до осени, когда трудовой люд Украины почти поголовно восстал и победил.

После конференции реакционная политика власти, как и разгул протофисной буржуазии, шли crescendo, после майских цветочков показались ягодки, сожжения деревень, порка крестьян, аресты, расстрелы, разгоны

становились все более бытовым явлением, а меньшевистские представители профсоюзов все писали «записки» к министру труда Вагнеру, председателю совета министров Лизогубу и др. представителям власти, посылали депутации к начальству и оставались верны своим резолюциям и традициям.

Уже в ноябре, когда рухнула власть Вильгельма в Германии, когда на Украине образовались Советы германских солдатских депутатов, когда страна кипела в огне восстания, когда в Харькове и Екатеринославе разыгрались чисто политические забастовки без экономических фиговых листочков, меньшевики и с.-р-ы из Всеукраинского Комитета земств и городов, из киевской городской думы, из «Уцентропрофа» (центрального совета професс. союзов Украины) еще пытались послать депутацию к гетману, доживавшему свои последние дни, и всячески боялись «неосмотрительных» массовых выступлений, «ведущих лишь к большевизму»; до самого своего последнего дня «Киевская Мысль» (газета формально беспартийная, но по существу и в глазах всего населения орган правых социалистов, в первую голову меньшевиков), стараясь всячески дискредитировать начавшееся движение и относясь к нему страстно-отрицательно, называла повстанческую армию «петлюровскими шайками», «петлюровскими бандами», определенно и сознательно солидаризовавшись со всей черносотенной и буржуазной прессой.

Восстание совершилось и окончилось помимо и, пожалуй, вопреки «революционной демократии», и это обстоятельство определило будущую роль ее в том строе, который пришел на смену гетманщине; реально эта роль равнялась нулю.

Нам известен лишь один случай, когда меньшевик принял непосредственное участие на стороне восставших, это был тов. Павлов, ныне член Р. К. П., занимающий в настоящее время должность начальника и комиссара Управления военных учебных заведений Украины и Крыма, но он еще весною разошелся со своими товарищами по партии по вопросу об отношении к украинским партиям и роли Украины в истории революции, а вскоре, во время созыва Трудового Конгресса, он уже был коммунистом. Во всяком случае выступление Павлова во главе организованного им повстанческого отряда является проявлением его личной инициативы и ни в какой связи не находится с тактикой украинских меньшевиков.

II.

Сами петлюровцы упорно утверждали, что переворот произведен исключительно под их лозунгами, под их идейным и организационным руководством. Согласно их версии, крестьянство восстало с единственной целью «будівніцтва незалежної Украіської Народної Республики» создания независимого государства петлюровского толка), а во главе всего движения были они, и только они.

Небезынтересно привести документ, исходящий из недр самой Директории, высшего органа У. Н. Р., и представляющий собою официальную историю переворота.

ИСТОРИЯ ВОССТАНИЯ НОЯБРЯ—ДЕКАБРЯ 1918 г.[1]).

В виду ложных, а временами совершенно бессмысленных, слухов которые распространяются среди населения по поводу восстания, Информационное Бюро при Директории считает необходимым дать населению короткую, но основанную на фактах и авторитетных свидетельствах историю подготовки революции ноября — декабря 1918 года на Украине.

Идея восстания среди разных групп украинской демократии не угасала во все время господства бывшего гетмана. Наиболее активными в этом направлении с практической стороны были: полк сечевых стрельцов в Белой Церкви и организация железнодорожников в Киеве. Выдавая себя сторонниками гетманского правительства, эти группы понемногу под разными[2]) легальными предлогами подготовляли свою физическую силу.

Среди же других украинских войсковых частей наилучшим агитатором и организатором идеи революции была политика гетманского правительства. Украинский национальный союз, как центральная организация социалистических и демократических украинских партий[3]), в начале своей деятельности к идее вооруженного восстания относился недоверчиво, а отчасти и враждебно.

Только с приходом на пост председателя Национального союза В. К. Винниченко эта идея была им поставлена в некоторых партийных кругах совершенно серьезно и реально. Стоя на той почве, что необходимо бороться всеми способами с помещичье-буржуазным господством на Украине, В. Винниченко от имени Национального Союза одновременно вел переговоры с гетманским оберкомандованием о формировании национально-демократического кабинета и в то же время самостоятельно («від самого себе») вместе с М. Ю. Шаповалом вел подготовку и организационную работу в направлении вооруженного восстания. Принимая во внимание те условия, в которых приходилось проводить эту работу, инициаторы восстания должны были быть осторожными и вначале соблюдать конспирацию даже от ближайших к себе товарищей по партии.

Когда подготовительная работа была доведена до соответствующей степени, В. Винниченко и М. Шаповал представили ее на обсуждение центральных комитетов своих партий (с.-д. и с.-р.)[4]. Обе организации принципиально согласились как с самой идеей вооруженного восстания, так и с планом инициаторов, составленными ими вместе с представителями сечевых стрельцов, полковником Коновальцом, начальником штаба сечевых стрельцов Мельником, а также представителями железнодорожников А. Макаренко, генералом Осецким и др.

Имея за собою поддержку своих партий, В. Винниченко и М. Шаповал произвели попытку перенести идею восстания на обсуждение всего Национального Союза. Но по соображениям конспирации постановлено было сначала обсудить ее на частном собрании представителей от трех партий: с.-д., с.-р. и соц.-фед. Если бы социалисты-федералисты согласились, то тогда можно было бы предложить этот вопрос пленуму национального союза и быть гарантированными в получении большинства голосов[5]).

[1]) Подлинник на украинском языке распространялся в январе 1919 г. между членами Трудового Конгресса, перевод на русский язык наш.

[2]) В подлиннике «під ріжними легальними приводами».

[3]) Надо иметь в виду, что во всех документах, исходящих от Центральной Рады, Директории, Трудового Конгресса и пр., под выражением «украинские партии» подразумеваются не все партии, существовавшие на Украине, а идущие под желто-голубым флагом; остальные назывались партиями национальных меньшинств.

[4]) Здесь говорится не о Р. С.-Д. Р. П. и партии С.-Р., а об Украинской Социал-Демократической рабочей партии, в которую входил Винниченко, и партии украинских социалистов-революционеров, членом которой состоял Шаповал.

[5]) Соц.-федералисты—численно весьма незначительная во все времена партия, сплошь интеллигентская, крайне умеренная в своих политических домоганиях и даже сравнительно скромная в национальном вопросе.

Однако, на частном собрании представители партии соц.-фед. отнеслись к идее восстания с такой острой критикой и таким недоверием в возможности его успеха, что инициаторы восстания не отважились вынести свою идею на обсуждение Национального Союза и решили продолжать работу на свой страх.

Мало того. В виду того, что по Киеву уже начали циркулировать слухи о восстании, к В. Винниченко и М. Шаповалу гетманским правительством уже были приставлены шпики и несколько раз уже подписывались ордера об аресте их. В виду того, что на основании всего этого гетманское правительство могло разгромить весь национальный союз, было решено публично на заседании Национального Союза заявить, что в Национальном Союзе никогда никаких вопросов о восстании не подымалось и все слухи по этому поводу являются не чем иным, как провокацией с целью уничтожения Национального Союза. Это было заявлено, и на некоторое время отведена рука, занесенная над союзом. Но такое положение еще более затруднило работу тех людей, которые взяли на себя инициативу всего движения. Потому что план был таков: в последний момент подготовки поднять на пленуме Национального Союза вопрос о восстании, принять соответствующее («певну») постановление и всему Национальному Союзу в тот же день выехать в Белую Церковь, откуда должно было начаться наступление на Киев. Движение, поднятое от имени всех социалистических и демократических партий, дало бы большую политическую, социальную и моральную поддержку тем, которые стали бы во главе его.

Однако же настроение большинства Национального Союза и вся политическая обстановка того момента не позволили найти поддержку у всей организации. Трудности еще увеличивались абсолютным отсутствием денег в то время в кассе В. Винниченко и М. Шаповала было не больше 20—25 тысяч рублей, а на первое время военный штаб восстания требовал не меньше 2 миллионов), а также арестами, неотступным шпионажем гетманского правительства, а, главное, разобщенностью войсковых частей, которые согласились принять участие в восстании.

Однако, постановления своего инициаторы не меняли, и было решено произвести выступление как можно скорее, даже без участия Национального Союза. Для конспирации же от имени Президиума Национального Союза за подписями В. Винниченко и М. Шаповала было выпущено воззвание о записи в полк помощи Галиции.

Для окончательного выступления задержка была только за деньгами. Но в это время гетманом был выпущен (14 сентября) акт о федерации с Россией, возвращен И. Кистяковский, как символ февральской революции, и это сразу дало организаторам восстания и поддержку всех партий и денежную помощь. За несколько дней перед этим был выпущен из тюрьмы С. В. Петлюра, но до принятия окончательного решения о выступлении он по разным причинам активного участия в подготовке его не принимал. Только в последний день, 15 сентября, после заседания президиума Национального Союза было решено предложить ему принять активное участие в восстании. С. Петлюра дал свое согласие и в тот же вечер выехал в Белую Церковь, а В. Винниченко созвал вечером Президиум Национального Союза и наконец поставил перед ним вопрос о вооруженном выступлении. В заседании Президиума принимали участие представители всех украинских партий, а также представитель сечевых стрельцов, представители повстанческого революционного штаба и железнодорожников. Единогласно было решено выступить против реакции и государственной измены генерала Скоропадского, избрать временное правительство—Директорию и поручить ей проведение всего дела.

На другой день от имени избранной Директории Украинской Республики было выпущено оповещение к населению. Буржуазно-реакционные круги встретили создание республиканского правительства—Директорию с вполне естественной враждебностью и стали всеми способами уменьшать ее значение, а также значение и силу всего народного движения, поднятого ею. Этим объясняются тенденциозное, усиленное называние республиканских войск, как в прессе, так и в правительственных актах, «петлюровцами», «петлюровскими бандами», а также изображение всего движения,

как частной инициативы одного человека С. Петлюры, и настойчивое замалчивание идеи коллективности (? С. Г.) республики и глубокого социально-политического и национального содержания всего движения.

Но эти выходки, как гетманского правительства, так и буржуазной прессы, заставили (повстанцев) принять название «петлюровцев», вложив в него свое содержание, притом такое, что они совсем не походили на банды, собранные одним человеком. Энтузиазм, высокий социальный и национальный подъем, сознание всеи социально-политической ситуации и серьезности движения придали массам мобилизованных крестьян и рабочих необычайную дисциплинированность, стойкость, выдержанность.

За три дня мобилизации под Белой Церковью Директория имела уже несколько полков, с которыми смогла выступить против гетманского войска, посланного на нее из Киева, и разбить его под Мотовиловкой до тла.

Директория могла уже тогда «на спинах» разбитых офицеров вступить в Киев, но позиция германского оберкомандования и Киевского Совета германских солдатских депутатов приостановили движение республиканских войск и заставила Директорию и верховное командование войск развивать свой, намеченный еще в Киеве, план обложения Киева со всех сторон и мобилизации народного войска для борьбы с самими немцами, если бы последние захотели защищать бывшего гетмана.

Немцы, действительно, под влиянием разных причин, стали на защиту монархизма на Украине. Но вследствие этого еще увеличилась сила Директории, которая в конце кампании проявилась уже в обезоруживании немецких полков и принуждении германского оберкомандования отказаться от защиты генерала Скоропадского.

Намеченный и разработанный еще в Киеве инициаторами восстания план оправдался во всех основных своих чертах. Расчет же на народ и на его колоссальную динамическую силу дал возможность украинской революции достигнуть первых положительных результатов, из которых главнейшим является изгнание из столицы народной республики, гнезда социальной и национальной реакции.

Центральное Информационное Бюро при
Директории Украинской Народной Республики.

Этот документ, являющийся рекламой Винниченко и Шаповала, извращает перспективу, дает ложное освещение фактам, замалчивает обстоятельства первостепенного значения, но, исходя от самой «Высокой Директории», он интересен главным образом тем, что дает ключ к пониманию дальнейших событий, развернувшихся почти с первого дня образования т. н. «Украинской Народной Республики», сокращенно «У. Н. Р.».

Было бы наивно возбуждать вопросы этического порядка: благовидно ли было поведение Винниченко, который состоял председателем Национального Союза и подготовлял восстание, к идее которого Союз относился недоверчиво и враждебно. Казалось бы, одно из двух: либо при таком различии взглядов уйти с поста председателя Союза и тогда уже свободно проводить какую угодно политику, либо, оставаясь на посту руководителя и официального главы Союза, не подводить его под опасности за дело, к которому тот не только не имел касательства, но относился враждебно. Но это не удивит никого, кто хоть немного знаком с бытом Центральной Рады, Директории и вообще политикой руководителей У. Н. Р. Во все времена отличительной особенностью Винниченко, Порша, Голубовича, Петлюры была двойная бухгалтерия, политиканство, двурушничество. Такова была их роль в ноябре—декабре 1917 г., когда они сумели предать и рабочих и юнкеров; так же они поступали и тогда, когда заявляли, что они «тоже большевики,

только украинские», и в то же время пропускали на Дон и Кубань офицеров и юнкеров для формирования антибольшевистских полков; так же они поступали и тогда, когда возмущались сепаратными переговорами большевиков с германцами в Бресте, и тут же не только заключили в том же Бресте вдвойне сепаратный мир, по отношению к союзникам и по отношению к России, но еще предали самое же Украину, призвав германцев на свою «рідну неньку» (родную мать).

Об этике говорить не приходится.

Но здравый смысл мы вправе требовать от официального документа, исходящего из недр высшего правительственного центра. А между тем мы читали, что от имени национального Союза Винниченко вел переговоры с германским оберкомандованием о свержении гетмана и образовании национально-демократического кабинета. Эти переговоры, как видно из сопоставления дат, велись до германской революции 1918 г., когда кайзер и генерально-юнкерский режим были еще всесильны в Германии! Эти переговоры велись вскоре после того, как именно под охраной германских штыков в киевском цирке разыгралась комедия «избрания» гетмана, как Центральная Рада, «национально-демократическая» Рада была разогнана именно германским лейтенантом, в то время, когда именно под крылышком германских оккупационных войск шло возвращение помещиков в свои прежние поместья, а бывших исправников и земских начальников к своим постам, переименованным по-украински.

Если Винниченко и Шаповал, действительно, хотели создать национально-демократический кабинет, то они должны были подумывать не о переговорах с германским оберкомандованием, а о восстании против оккупантов. Да и вообще смешно говорить о восстании против Скоропадского: ведь все гетманство было фикцией, синекурой, управляли страной немцы и только немцы. И чтобы не было сомнений в этом, д-р Грейде, германский военный юрист, прокурор по делу Голубовича и др., очень ясно поучал слушателей, что чужеземные штыки не исполняют пассивно чужую волю, а творят свою собственную. При таких условиях, если Винниченко действительно подготовлял вооруженное восстание, то он должен был знать, что оно будет направлено против оккупантов и столкнется с немцами, как непосредственными противниками. Восставшие летом 1918 г. таращанские крестьяне и многочисленные повстанцы в других частях Украины прекрасно это знали и изучили на своем собственном опыте. И даже после свержения кайзера в Германии и образования в Киеве большого совета германских солдатских депутатов, как видим из этого же документа, «немцы... стали на защиту монархизма на Украине».

Но Винниченко, видимо, очень не хотелось вступить в плохие отношения с германцами. Уже после начала восстания Директория думала мобилизовать армию и «для борьбы с самими немцами, если бы они захотели защищать бывшего гетмана». Значит, в этом еще были сомнения, и еще в ноябре Директория не имела своей непосредственной задачей борьбу с германо-австрийскими оккупантами.

Винниченко, действительно, имел свидание с представителями Вильгельма на Украине об этом своевременно сообщали местные газеты, но позволительно усомниться, чтобы речь шла о торжестве революционно-демократических принципов.

Немцы, несмотря на свою полумиллионную дисциплинированную, превосходно вымуштрованную армию, изнемогали в постоянной борьбе с украинским крестьянством и рабочими, не желавшими примириться с наступившей реакцией, но отсюда еще очень далеко до восстановления «демократии» при участии барона Мумма и генерала Эйхгорна.

Речь могла итти лишь о сделке за счет трудовых масс и в интересах немцев. И тогда понятен заговорщицкий характер подготовки переворота. Мы не встречаем указаний на какую бы то ни было широкую агитацию в народных массах, без чего, казалось бы, нельзя поднять народное восстание; наоборот, мы видим такую тщательную конспирацию, что даже «ближайшие по партии товарищи» не были посвящены в планы инициаторов. Если же и была связь с несколькими железнодорожниками (Макаренко) и белоцерковским полком сечевых стрiльцов, то ведь и для инсценированного переворота нужны персонажи. Ведь для циркового переворота в апреле тоже согнали, кажется, около 2000 действующих лиц—«хлiборобов».

Тут необходимо дополнить сообщение Директории еще одним весьма интересным фактом. Как сообщил Винниченко в своей программной речи на трудовом конгрессе 25/12 января 1919 г., во время подготовки восстания на всякий случай велись переговоры и с большевиками. В его изложении дело обстояло так, что переговоры шли с т.т. Раковским и Мануильским, что все условия, выставленные украинцами, были большевиками приняты, что соглашение состоялось, но потом оказалось, что у большевиков нет сил: в самом Киеве они могли бы выставить не более 200—300 человек, а «со стороны Советской России они не могли ничего прислать» (цитировано по «Столичному Голосу» от 26/13 января 1919 г. № 13, отчет о заседании трудового конгресса).

Это у большевиков-то не было сил в то время, когда богунцы и таращанцы уже были сформированы из украинских рабочих и крестьян, когда в любой деревне и фабрике были резервы большевистских сил, когда даже среди всех соглашательских партий на Украине (Бунд, у. с.-д., у. с.-р.) под влиянием настроений в массах начал назревать раскол и стали образовываться советские фракции!

Директории, вероятно, было просто не по пути с большевиками, но вести переговоры, согласно своим традициям, они готовы с кем угодно: ведь использовать и потом обмануть является высшим актом политической мудрости!

Во всяком случае мы видим большой интерес к думам и настроениям Национального Союза, хотя, кроме партий у. с.-д. и у. с.-р., членами которых являлись Шаповал и Винниченко и центральные комитеты которых соглашались с доводами «инициаторов», в Союз входили представители таких организаций, которые масс за собою никогда не имели, в том числе и в

описываемый период. Тут было несколько интеллигентов из партии соц.-фед., о которых мы уже говорили, и так называемые «социалисты-самостийники», определенно реакционная группа, несмотря на свою социалистическую фирму, крайне незначительная и по своей численности и по влиянию на массы. Но, повторяем, мы не видим той работы, которая в таких случаях должна вестись в широких массах населения. Будущая Директория жила своими интересами, надеясь впоследствии использовать народные толщи и их настроения, а трудовая масса жила своей жизнью, лелеяла свои мечты и готовила свои планы. Винниченко вел переговоры с германским оберкомандованием, деревня восставала против немцев; Национальный Союз был обуреваем мечтой о самостийности и стал помогать движению лишь после декларирования гетманом федеративной связи с Россией, из украинских же городов и сел недовольные элементы стекались именно на советскую границу, мысля свое освобождение только, как торжество советов в союзе с Советской Россией; Директория считала себя, или по крайней мере выдавала себя, руководителем и фактическим исполнителем воли масс, а между тем были такие места, вроде фабрично-заводского Екатеринослава, где рабочие, изгнав австрийцев и гетманских гайдамаков, обезоружили первый же прибывший в Екатеринослав петлюровский эшелон! Директория в первую голову выставила национальный вопрос в смысле «незалежности» и «самостийности» Украины, массы же прежде всего интересовались социальным вопросом и сейчас же стали избирать коммунистов в возродившиеся Советы депутатов, и с первого же дня произошли кровавые столкновения между рабочими и властью.

Но все же участие украинских партий в восстании сильно подняло акции их, весьма, было, упавшие после недавнего приглашения германо-австрийцев в Украину, и они, поддержанные галицийскими дисциплинированными сечевиками, стали правительством.

14-го декабря в Киев вступил корпус сечевых стрельцов под командой атамана Коновальца (галичанина), а 20-го декабря, в весьма торжественной обстановке, въехала сама «высокая Директория».

Территория реальной власти Директории была весьма ограничена. Румыны уже приступили к «самоопределению» Бессарабии, западные уезды Волыни и Подолии уже были оккупированы поляками, в Одессе находились французы во главе с генералом д'Ансельмом и знаменитым Энно, в Екатеринославе, как мы уже видели, настроение было далеко не петлюровское, и тов. Пятаков, вооруженный сочувствием пролетариата, имел гораздо больше фактической власти, чем представители У. Н. Р., в Харькове представитель Директории—Балбачан повел свою самостоятельную политику, и дело дошло до того, что пришлось командировать в Харьков ударный отряд сечевых стрельцов и арестовать Балбачана. Но все же Директория, выплывшая на поверхность, стала правительством Украины и подчинила своей формальной власти не только Правобережье, но и восточную половину Украины.

Но тут сразу сказалась вся ложность ее положения, вся зыбкость ее основания. Надо было платить по векселям, а что могла дать мелкобуржу-

азная власть, насквозь зараженная духом национализма в самой его нездоровой форме?

В официальных документах и в прессе еще можно изображать, что народ украинский имеет одну лишь мечту, одну лишь заботу об украинской независимости и один лишь идеал—воссоединение с Галичиной, но подлинная жизнь выявляла другие чаяния трудящихся масс. По всей Украине раздался клич: вся власть Советам!

Настроения не только рабочих, но и крестьян становились все более большевистскими. Под влиянием этого настроения во всех партиях, еще недавно выступавших дружным фронтом против большевиков, начался пересмотр своей программы и тактики. Большинство Бунда, недавно бывшего одним из самых влиятельных членов правосоциалистического блока национальных меньшинств, стало на советскую платформу; из среды украинских социал-демократов, партии Винниченко, Порша и Петлюры, выделилась партия «незалежных с.-д.» (независимых); самая многочисленная в прошлом партия украинских с.-р., получившая не менее 80% всех голосов, поданных во время выборов в Украинское Учредительное Собрание, подавляющим большинством приняла советские лозунги; все эти партии стали в оппозицию к правительству У. Н. Р. и даже сама Селянская Спилка, объединявшая деревенские верхи, стала советской, и ее орган «Народная Воля» выходил с аншлагом «Вся влада об'єднаним радам селянських и робітничих депутатів!» (Вся власть объединенным советам крестьянских и рабочих депутатов.) Даже эта газета стала выходить с цензурными плешами и жаловаться на «реакцiйну адмiнiстрацiю, яко мало чим рiжнилася вiд гетманськоï адмiнiстрацiï» (№ 19).

Орган правых у. с.-д. «Робітнича Газета» осмеивает лидера Селянской Спилки Янко.

«Г. Янко еще недавно отстаивал учредительное собрание. Теперь этот самый «лидер» Спилки горячий сторонник советов. Почему? Да не по чему другому, как потому, что в трудовой конгресс проходят будто сплошь «соми большевики», а г. Янко что-то «забаллотировали»; представителей Сел. Спилки гонят дрючками из слобод и хуторов и т. д. Есть отчего испугаться. И вот Ц. К. Сел. Спилки пошел походом против большевиков и весьма просто: «взял и стал на большевистскую позицию «вся власть советам».

В наши задачи не входит защита Янко, но положение было действительно таково, что единственно возможным идейным средством борьбы против большевиков была агитация за большевистские советские принципы.

Но Директория решила избрать другой путь, более свойственный ее социально-политической природе. Она стала применять аресты, разгоны, расстрелы, роспуски в Полтаве и Харькове советов рабочих депутатов,— словом, все то, что обыкновенно делает в таких случаях контр-революция. Иногда эта политика доходила до таких геркулесовых столпов, что стыдно становилось, и надо было изыскивать какое-нибудь оправдание фактам. Так, в военном официозе «Ставка» в № 31 разыгравшийся в Харькове белый террор объяснялся таким образом: «Выясняется, что это дело грандиозной

провокации черной сотни, которая захватила было в свои руки командование левобережной группой украинских войск и умело проводила свою работу в таком направлении, чтобы вызвать среди народа недоверие и ненависть к Директории, украинской республиканской армии и ко всему украинскому делу».

Однако, не так легко править путем террора народом, который только что проявил могучий революционный порыв, показал свою огромную революционную силу и имел уже революционный закал. Директория стала бросаться в разные стороны и жадно искать спасения. На сцену снова выступает двойная бухгалтерия.

Во главе правительства становится «левый» Чеховский, о котором говорили, что он сочувствует большевикам и вместе с тем в состав того же правительства был введен Шелухин, бывший глава украинской делегации при гетмане во время переговоров с тов. Раковским, лидер тех самых «самостийников», которые в малой Раде всегда были в оппозиции справа, когда разрешались социально-политические вопросы, которые вносили всегда дух национальной исключительности, вплоть до предложения запретить легальное существование тем политическим партиям, центральные комитеты которых находились за пределами Украины (не только большевикам, но и меньшевикам, с.-р., бунду), которые занимали ответственные посты при гетмане; в Москву посылается для переговоров с Р. С. Ф. С. Р. сначала «приватная» (частная) делегация, потом официальная миссия Мазуренко, а в то же время в Одессу для переговоров с французами командируется сначала д-р Галип, а потом военный министр генерал царской службы Греков, фигура, весьма приемлемая для французского командования; борьба с советами рабочих депутатов, преследование не только коммунистов. но и всех заподозренных в сочувствии им и в то же время издание ряда законов «почти» большевистских.

Но и это не помогает.

Те самые повстанческие полки и гарнизоны, которые, казалось бы, должны были служить опорой Директории, становятся опасными для нее. Приходится рассчитывать исключительно на галичан-сечевиков. корпус Коновальца, если не считать черное воронье, которое пошло охотно на службу к Директории, учитывая ее антибольшевистское направление, но которое в тайниках души лелеяло мечту о «единой, неделимой». Фактически власть начинает переходить к галичанам, которые выросли в атмосфере обостренной национальной борьбы в Австрии и во главу угла ставили национальный вопрос.

Приходится подумывать даже о том, как бы избавиться от значительной части своей собственной армии. Последовал приказ о роспуске, не то совершенно, не то на рождественские праздники, солдат старше 25 лет, причем это производится в такой момент, когда уже выясняются контуры военных действий почти на всех границах.

И вот в это время, когда взоры обращены главным образом на восток, как по причине соседства левобережья с Советской Россией, так и по той

причине, что промышленная левобережная Украина (Харьков, Екатеринослав) всегда были более других мест на Украине заражены советскими идеями, в Житомире, где гарнизон достигал 20.000 человек, большевики захватывают власть.

Правда, в захвате этом, руководимом коммунистами (А. Гилинский, Борисов-Коген и др.), участвовала часть гарнизона, но при сочувственном молчании остальной части. Гражданские и военные власти вынуждены были бежать. Сечевых стрельцов, в конце концов, не так-то много, чтобы занять ими всю Украину,—немцам для этой цели пришлось иметь не менее полумиллиона солдат,—и на сцену выступают готовые к услугам ударные отряды под командой либо черносотенцев, либо рыцарей с большой дороги. Эти отряды готовы весьма охотно драться с большевиками, в особенности внутренними, но не забывают при этом своих интересов. Ударный отряд под командованием Палиенко при начальнике штаба Монтуляки блестяще овладевает 7-го января ночью Житомиром, но 8—13-го января в Житомире розыгрывается жестокий еврейский погром со всеми обычными в таких случаях явлениями (убийствами, насилиями над женщинами и т. п.; по дороге в Житомир они не забывают «погулять» и в Бердичеве.

Лиха беда почин. За Житомиром последовали, Проскуров, Овруч и др. места, за Палиенко—Козырь Зирко и многое множество разных атаманов и комендантов, которым очень понравилось это прибыльное занятие.

Директория знала, что с рабочими организациями еще можно, пожалуй, как-нибудь бороться, выставляя во главу угла национальный шовинизм и пытаясь, таким образом, затушевать социальные противоречия, но не могла не знать, что массовые погромы, являясь вернейшим показателем глубокого гниения и полного разложения правительственных войск, создает и у умеренных слоев общества чувство неуверенности и недоверия к прочности режима. Директория видела, что, окончательно разрывая с трудящимися, она не имеет друзей и среди буржуазии, которая предпочитала открыто монархическую реакцию типа гетмана и Деникина, без революционной фразеологии, с всесторонней охраной «священного права собственности».

Директория стала оказывать содействие образованной следственной о погромах комиссии, стала субсидировать ее деньгами, стала рассылать весьма красноречивые циркуляры, подписанные в числе других комиссаром по еврейским делам Красным, но на местах власть была фактически в руках погромных дел мастеров, против которых Директория не могла повести борьбу не только по отсутствию средств и сил для этого, но еще потому, что эти Палиенко и К° были ее верными рыцарями и защитниками в борьбе с внутренним врагом.

И вот тут-то появляется мысль о создании суррогата Советской власти, зарождается идея Трудового Конгресса.

III.

23 января 1919 г. в киевском Городском театре состоялось торжественное открытие Трудового Конгресса, и первый день весь ушел на народное оглашение «грамоты» Украинской Национальной Рады (Галиция и

Буковина) и Универсала Директории о соединении западной (галицкой и буковинской) и восточной (приднепровской) Украины в «единую, великую, независимую, самостоятельную У. Н. Р.» и соответствующие по сему поводу приветствия.

Формально Конгресс имел все права на наименование «Трудовой». Избирательными правами пользовались крестьяне, рабочие и лишь в незначительной степени трудовая интеллигенция. Нетрудовые элементы ни пассивных, ни активных прав не имели. Совсем «советский» Конгресс.

Но, во избежание досадных недоразумений, участие рабочих было весьма ограничено. Из 527 депутатов они могли провести лишь 118 человек, из которых 30 мест были предоставлены усердно обрабатывавшимся в патриотическом духе союзам железнодорожников и почтово-телеграфных работников. Выборы двухстепенные. Порядок выборов не был предусмотрен и предоставлялся усмотрению местных властей. Инструкция о выборах была опубликована в Киеве лишь 8 января и при расстройстве связи между отдельными частями Украины могла попасть на места значительно позже. (А 23-го уже открылся Конгресс!) В стране был установлен режим осадного положения, при котором хозяевами положения были военные власти, настроенные весьма не «трудовым» образом. Никакой избирательной кампании, естественно, не было. В состав Конгресса была влита значительная группа галичан, состоявшая преимущественно из бывших депутатов австрийского рейхсрата и львовского сейма, национал-демократов и радикалов, державшихся весьма компактно и дружно. И если к этому прибавить, что коммунисты объявили о бойкоте и выборов в Трудовой Конгресс и самого Конгресса, то станет понятным, почему политические верхи У. Н. Р. возлагали надежды на этот Конгресс.

И, действительно, на нем можно было видеть всех старых знакомых из прошлогодней Центральной Рады, вплоть до «батьки» Грушевского, бывшего ее председателя.

Но даже и при таких условиях жовто-блакитным верхам не приходилось торжествовать.

На крайней левой сидела объединенная группа из сторонников советского строя. В нее входили официальные украинские с.-р., вскоре ставшие известными по имени своего органа «Боротьба» (борьба) под названием «боротьбисты», незалежные укр. с.-д., левые бундисты, интернационалисты и несколько просочившихся в Конгресс коммунистов, зарегистрировавшихся в канцелярии Конгресса, по вполне понятным причинам, беспартийными. Членов этой группы было всего около 39 человек из 335 съехавшихся депутатов, но своим присутствием, выступлениями и влиянием в кулуарах на многих серых представителей Селянской Спилки они попортили не мало правительственных нервов. Дальше находились российские с.-р., правые бундисты и меньшевики, которые, хотя и не были сторонниками Советов, но относились оппозиционно к власти, главным образом, из-за национальной политики и нередко получали титул «зрадники» (изменники). В центре находились официальные укр. с.-д., «центральная течня» (правые) укр. с.-р.

и Селянская Спилка, но о шаткой позиции последней мы уже говорили. Верной опорой был лишь правый сектор—галичане с присоединившимися к ним соц.-фед. и соц.-самостийниками. Эту группу уж нельзя было обвинить в левизне. Галичане-депутаты, преимущественно хозяйственные мужички, получившие политическое воспитание в условиях австро-венгерской грызни национальностей, устами своего представителя Старуха заявили, что в настоящее время не должно существовать «ніяких внутрених справ» (никаких внутренних вопросов), что никакие проекты и предположения о социальных реформах не должны рассматриваться, все внимание должно быть сосредоточено единственно на строительстве «незалежної України», (но при этом, несмотря на свое нежелание заниматься социальными вопросами, не забыли подчеркнуть, что частная собственность на землю не должна ни в коем случае быть отменена), что Конгресс должен быть распущен, и вся полнота власти должна быть сосредоточена в руках Директории,—другими словами, в руках осадного корпуса галичан, состоявших под командованием Коновальца.

И, действительно, власть очевидно была у последних. Галичане играли роль первой скрипки. Несение караулов, охрана самого Киева и важнейших узлов и пунктов, карательные функции (арест Балбачана) были возложены на сечевиков. В самом театре на всякий случай денно и нощно дежурил весьма внушительный их же отряд, председателем Конгресса был избран галичанин Виттек, бывший член австрийского рейхсрата, его заместителем—тоже галичанин, бывший член австрийского рейхсрата Старух, в большинстве штабов и на наиболее серьезных военных постах—они же. У весьма многих стало создаваться настроение, не происходит ли новая своеобразная оккупация.

Вот этот-то правый сектор и выручил Директорию в трудный момент. Когда пришлось голосовать резолюцию о конструкции власти, самую серьезную резолюцию, то несмотря на беспрерывные в течение двух дней фракционные и междуфракционные совещания, несмотря на давление, уговоры и прочие меры влияния, у Директории не было большинства, несмотря на демонстративный уход левой группы из Конгресса. Пришлось добиваться хотя бы того, чтобы центр в значительной своей части воздерживался, и тогда та же резолюция была принята меньшинством депутатов. Президиум постарался скрыть это обстоятельство, отказавшись от подсчета поднятых рук, но что было бы, если бы не было правого сектора, дружно, как один, голосовавшего за резолюцию!..

При таких условиях, конечно, неудивительно, что когда левый укр. с.-р. Тараненко позволил себе непочтительно отозваться о галицкой фракции и сечевых стрельцах, то сейчас же разыгрался скандал, председатель Конгресса объявил ему строгий выговор, а со стороны некоторой части депутатов и гостей из лож и ярусов посыпались угрозы, ругань, оскорбительные эпитеты, среди которых «провокатор» не был самым бранным.

Вообще необходимо отметить, что правительственная часть депутатов держала себя крайне нетерпимо и несдержанно и при всяком поводе устраивала весьма громкие скандалы. Не отставала от них, а может быть превзошла публика. Надо сказать, что «народ», который должен был выражать «общественное мнение», был подобран весьма тщательно. Гости не церемонились, и с энергией, заслуживающей лучшего применения, вмешивались в прения. «Ганьба» (позор), «геть» (вон), всяческая брань так и неслась со всех рядов и ярусов по адресу оппозиции. Дело доходило до того, что в упомянутого Тараненко порывались из публики стрелять.

Президиум же находился в состоянии полного альянса с «народом» и этим еще больше возродил в памяти картины из жизни Центральной Рады. Когда раздался предостерегающий возглас: «Здесь сверху хотят стрелять в оратора» (Тараненко), то председатель резонно и философски спокойно возразил: «Но ведь еще не стреляют». По густому одобрительному смеху справа видно было, что председатель ответил правильно.

Наибольшую ажитацию вызвала речь т. Рафеса, ставшего в ту пору уже на Советскую платформу и принадлежавшего к левым бундистам.

Председатель Виттек, весьма плохо, как говорили, понимавший русский язык, на котором Рафес говорил, прервал его на середине фразы, отчего изменился смысл фразы, и сделал ему весьма резкое внушение. Публика и часть депутатов сочла этот момент весьма подходящим для устройства очередного скандала, тем более, что Рафес не только представитель крайней левой, но еще «жид». Попытки Рафеса объясниться встретили резкий отказ. Требование его дослушать фразу до конца и апелляция к собранию вызвала весьма внушительное приказание не вступать с председателем в пререкания. Когда же Рафес подошел к столу президиума, чтобы показать письменный текст декларации, в которой имеется недослушанная до конца и неправильно понятая фраза, то Виттек, властным жестом указывая Рафесу на место для ораторов, приказал ему немедленно отойти от стола президиума. Совсем, как будто из жизни Государственной Думы, времен Хомякова—Родзянко. А между тем скандал все рос, страсти разгорались, поведение публики делалось все более громким, и лишь настойчивость, терпение и выдержка Рафеса дали ему возможность, в конце концов, досказать фразу.

Столь твердая власть председателя удивила даже меньшевика Биска, который тоже был членом президиума. Когда он в частной беседе указал Виттеку, что «председатель не офицер, а депутаты не солдаты», то Виттек, как опытный парламентарий, разъяснил ему, что «председатель выше офицера».

Такова была внешняя картина работ Трудового Конгресса «всея Украіни».

IV

Ко времени открытия Трудового Конгресса политическое и военное положение инициаторов его созыва было весьма печальное.

По военным сводкам и газетной хронике того времени видно, что не было ни одной области или губернии, где не происходили бы военные действия. В Западной (бывш. австрийской) Украине Буковина и Трансильвания

были прочно заняты румынами и со дня на день ждали принятия румынским парламентом закона о воссоединении этих «извечна румынских земель» со своей «матерью». В Галиции поляки огнем и мечом распространяли свою власть, и к двадцатым числам января 1919 г. бои шли у самого Львова.

Не лучшая картина и на Украине восточной. У Алешек в Херсонщине шел горячий бой с добровольцами, которые одинаково ненавидели как большевиков за их красную левизну, так и петлюровцев за их самостийничество и национальный максимализм. В Одессе находились французы с неграми, греками, и тоже весьма недвусмысленно стремились распространить зону своей оккупации далеко на север.

Не блестящи были дела Директории и на антибольшевистском фронте. Прежде всего это не был фронт в обычном военном смысле этого слова, фронтов было почти столько же, сколько железнодорожных путей, плюс еще множество шоссейных и нередко проселочных дорог. Для примера приведем выдержку из сводки Оперативного Отдела Генерального Штаба Главнокомандования войск У. Н. Р.

«До 10 ч. 24 января.

Екатеринославщина. Наши части с успехом продолжают наступать на Новомосковск и Синельниково.

Полтавщина. Бои стихли; с обеих сторон ведется разведка.

Черниговщина. Идут бои в районе Носовка—Козелец.

Волынь. На севере Коростеня мы заняли передовые позиции, Домбровица в наших руках. На запад и север от Владимир-Волынского ведется разведка.

Галиция. Наступление ведется успешно».

Если игнорировать победоносный тон: «С успехом продолжают наступление», «в наших руках», «мы заняли», «мы наступаем», то все же видно, что военные действия происходят и в Екатеринославской и в Черниговской, Полтавской, Волынской и Подольской губерниях. Гомель и Харьков уже находились под властью Советов. Уже во время занятий Трудового Конгресса была очищена от петлюровцев и Полтава, причем генерал Греков, докладывая об этом, обмолвился, что «наши части выскочили из Полтавы» и, спохватившись, что это выражение не совсем почтительно для «освободительных войск Украины», объяснил, что эвакуация Полтавы была произведена без достаточных оснований и потому он и употребил это выражение.

И, действительно, в большинстве своем войска не обнаруживали большой охоты сражаться с советскими войсками, поддерживаемыми местными трудящимися города и деревни. Несмотря на необходимость всячески подогревать дух депутатов Конгресса и замалчивать неудачи, и Грекову и Коновальцу не удавалось скрывать своей тревоги по поводу стойкости их войск.

В интервью корреспонденту газеты «Наш Путь» командир корпуса сечевых стрельцов Коновалец признался (№ 52 от 28 января), что «те части, которые были двинуты, не оказались на высоте положения и подались назад, не выяснивши даже в точности, кто на них наступает». Знать-то, конечно, они знали, что на них наступают рабочие и крестьяне под знаменем Советов, и отступали без боя.

При таком положении, естественно, возникал вопрос, долго ли еще придется ждать своей очереди самому Киеву. И хотя и Коновалец, и Петлюра, и Греков божились и уверяли, что Киева они не сдадут, что в Киев направляются большие силы испытанной твердости, состоящие преимущественно из сечевиков, по плохо верилось искренности этих заверений, когда па-ряду с ними началась спешная «разгрузка» Киева. Официальный мотив «разгрузки» по разъяснению начальника политической части штаба Осадного Корпуса Ю. Чайковского—необходимость освободить большое количество помещений для ожидаемых в Киеве значительных войск, но киевляне были к тому времени люди опытные и умели расшифровывать официально-оптимистические реляции.

В тех местах, где еще развевалось жовто-блакитное знамя, тоже не было ни одного слоя населения, которое не только было бы заинтересовано в сохранении строя, но проявляло бы хоть некоторую доброжелательность. Буржуазия всех мастей, помнившая еще милый ее сердцу «порядок» при немцах, ждала со страстным нетерпением французов и справедливо полагала, что французы скорее сговорятся с донскими, кубанскими и одесскими добровольцами, чем с Директорией, которая в глазах генерала Ансельма тоже была «почти большевики». И, действительно, как показывали события, французское военное командование, ненавидевшее всеми фибрами души все, напоминающее большевиков, весьма отрицательно относилось к революционной фразеологии представителей У. Н. Р., хотя и видело, что это одна лишь фразеология. В своей речи на Конгрессе Винниченко, рассказывая о трудностях, которые приходится преодолеть для соглашения с французами, сообщил, что последние в Винниченко видят большевика, а в Петлюре—бандита. И даже генерал Греков в своей речи сообщил, что когда он прибыл в Одессу, то его заставили полтора дня просидеть на станции и после этого его «со всех сторон щупали, не большевик ли». В зале раздался при этих словах смех. Да и как не смеяться, когда генерала Грекова, типичного царского генерала с генеральской психологией, с генеральским кругозором и генеральскими идеалами заподазривают в большевизме?

Словом, буржуазия, ждавшая варягов во втором исправленном издании после немцев—французов), не была на стороне У. Н. Р. Это отчуждение еще более обострилось после набега власти на все ювелирные заведения—магазины в Киеве и конфискации золота. Попрание священных прав частной собственности буржуазия простить никогда не может.

В частности, буржуазия национальных меньшинств имела не мало оснований не быть на стороне Директории. Польская—мечтала о границах Польши 1772 г., «од можа до можа», о подчинении власти польских панов, если не всего украинского «быдла», то по крайней мере Правобережья, не говоря уж о Галиции. Русская—негодовала по поводу украинизации, по поводу перевода вывесок, надписей на кинематографических фильмах и т. п. на украинский язык. А что касается еврейской, то наиболее характерным является то обстоятельство, что во время работ Трудового Конгресса, 26 января, в киевских газетах появилось воззвание, озаглавленное «к евреям

ским общинным Советам и ко всем евреям на Украине». В этом воззвании говорится:

«Еще свежи раны страшных погромов в Галиции и Польше. И еще раз разлилась новая волна погромов и преступлений над рядом городов и местечек. В Овруче, Бердичеве, Житомире, Летичеве и др., на станциях Бахмач, Фастов и др. убито много евреев. Многие замучены и изувечены. Трудно подсчитать убытки, которые уже достигли сотни миллионов».

И дальше:

«В глубокой печали стоим мы у свежих открытых могил. С болью в сердце мы видим новое горе, которое ширится дальше и дальше. Мы не можем вернуть несчастным детям их убитых отцов, вдовам—мужей. Но протянуть братскую руку помощи, чтобы утолить голод, мы можем и должны».

О симпатиях еврейской буржуазии при таких условиях говорить не приходится.

Характерно, что одна из провинциальных газет, «Волынская Заря» в день открытия работ Трудового Конгресса весь номер посвятила жертвам погромов и заполнила номер соответствующими лозунгами, статьями и сведениями.

А о пролетариате и его спутниках и говорить не приходится. Директория разгоном Советов рабочих депутатов, арестами, разгромом Совета профессиональных союзов сперва в Харькове, а потом в Киеве, террором по отношению к рабочим организациям начала войну, а рабочие, и помимо того в большинстве своем после немецко-гетманского опыта, мечтавшие о Советах, подняли перчатку.

26 января был опубликован за № 37 следующий приказ по Осадному Корпусу:

«Сим объявляется, что Союз профессиональных союзов существует и будет существовать впредь, как организация, защищающая профессиональные интересы пролетариата. Всякие обыски и аресты в помещении Союза (Трехсвятительская, 19) решительно запрещаются. В случае продолжения под покровительством («покришкой») Союза агитации, направленной против Директории У. Н. Р., вся ответственность за это возлагается на Секретариат Союза. Для расследования («в справі») произведенных уже обысков будет образована комиссия, которая рассмотрит все дело и доведет до сведения граждан. Командир Осадного Корпуса Отаман *Коновалец*. Начальник Штаба Отаман *Мельник*».

В этом приказе все показательно для характеристики отношений между Советом профсоюзов и властью: и признание уже бывших обысков, и угроза «в случае продолжения агитации» и, наконец, необходимость убеждать Петлюровское войско, что Совет «существует и будет существовать впредь».

Что же касается крестьян, то в одной лишь Волыни нам известны следующие явления: в Левкове образовался крестьянский партизанский отряд, впоследствии влившийся в Красную армию, в Коростышеве крестьяне поголовно несколько раз выступали против «украинских» войск, когда последние пытались произвести набег с целью погрома и давали им весьма убедительный отпор, в западной части Волыни, в местности «Сады» местные крестьяне под руководством матроса Ивана Ревуна образовали нечто вроде самостоятельного государства, куда петлюровцам вход был воспрещен.

Кто же остается? В свое время, когда Центральной Раде пришлось туго, она поспешила к немцам, ныне взоры обратились в Одессу к французам.

V

Мы уже говорили, что французское командование считало Винниченко почти большевиком и даже ощупывало Грекова и Матвеева, не большевики ли они. И вот надо было прежде всего убедить французских генералов, что «мы—не большевики».

В своей официальной декларации на Трудовом Конгрессе председатель Директории Винниченко посвятил поэтому полемике с большевиками и т. п. «провокации слева» наиболее ударное, значительное место, и чуть ли не божился, что «намеченные нами реформы не большевизм.—Мы не большевики. Такого рода заявления о нас являются провокацией справа».

Мы знаем настроения страны и значительной части делегатов, и ясно, что эти слова предназначались через их головы для одесских гостей.

Но Винниченко не мог не видеть, что «вместе с российскими большевиками нас гонят наши же товарищи» (весьма ценное признание! *С. Г.*), и в этом «самая большая опасность». И вот для убеждения и вразумления этих заблудшихся товарищей Винниченко считает своим долгом уверить «высокое» собрание, что:

«У нас идет борьба с Советской Россией, а не с местными большевиками. Советская Россия посылает против нас китайцев и латышей и по отношению к нам она является державой контр-революционной и империалистической. Большевики идут, чтобы дать нам власть Советов, но только вчера я имел сведения из Харькова. Там есть власть Советов, но в Совете преобладают китайцы и латыши. Такие же Советы большевики несут и на всю Украину. Единственно, чего хотят большевики, это грабить наш хлеб и все наше имущество. В этом и заключается план Троцкого. Ленин против этого плана. Расчет же Троцкого простой: если он еще хоть один месяц поддержит Советскую Россию, агония которой уже началась, он будет оправдан».

И дальше он дает анализ состояния Советской России:

«Большевики в агонии хватают нас за горло для того, чтобы, умирая, потащить и нас за собою... Борьба, которую ведут большевики, может продолжаться еще полгода. У них больше не хватит снарядов, и тогда небольшие отряды союзников займут всю Россию. Их надежды на поддержку Европы не оправдались... Большевики должны задохнуться»...

(Цитировано по «Наш Путь» №№ 50 от 25 января и 51 от 26 января.)

Бедный «голова высокой Директории»! Он, конечно, и представить себе не мог, что и при недостатке снарядов большевики победят всех своих врагов, что те самые французские отряды, которые должны вскоре занять всю Россию, сами выбросят красное знамя, что власть Советов так прочно утвердится, что даже сама могущественная победоносная Антанта станет изыскивать методы соглашений с ней и станет на путь совместных коп-

ференций и договоров. Ему естественно, глядя на французские броненосцы, стоящие на рейде у Одессы, представлялось, что «сильнее кошки зверя нет».

И он пустил в ход все, что ему казалось полезным. И изображение происходящей борьбы классов, как оборону Украины от империализма России, и ужас предстоящего нашествия латышей и китайцев, и страх перед неминуемым ограблением хлеба и остального имущества, и невыгодность союза с агонизирующими большевиками. и даже противоположение Троцкого Ленину. Последний прием был вообще весьма излюблен всеми контрреволюционерами всех оттенков, но некоторые из них к этому прибавляли откровенно, что все зло от жида Троцкого. Винниченко, как социал-демократу, конечно, неудобно было говорить так откровенно, но все же удочка закинута, мысль о том, что Украина страдает главным образом из-за Троцкого, брошена и брошена в период массовых погромов.

Но Винниченко хорошо понимал, что как бы страшны и ужасны ни были большевики, сколькими бедствиями ни сопровождалось бы утверждение их власти, трудящиеся были настроены резко против иноземной интервенции. Они слишком хорошо помнили австро-германское нашествие, и поэтому он все перлы своего красноречия, всю свою изворотливость направил на то, чтобы убедить делегатов, а через них и всю деревню, что с французами никакого соглашения нет.

Но в это самое время среди делегатов, на фабриках и заводах Киева стало распространяться следующее сообщение, размноженное на гектографе:

«Киевский Городской Комитет Коммунистов (большевиков) на Украине доводит до сведения рабочих г. Киева о новой измене Директории. Измена их выразилась в заключении следующего договора с союзниками. Помещаем его без комментарий, ибо договор этот говорит сам за себя.

Условия выработанного договора между представителями Директории и союзниками: 1) Директория У. Н. Р. входит на федеративных началах в состав возрождающейся единой и неделимой России.

2) Директория У. Н. Р. образует коалиционное правительство, которому и передает все свои права.

3 Украинская Н. Р. обязуется всеми силами бороться с большевиками, распространенными в границах Республики.

4) У. Н. Р. предоставляет в распоряжение специально образуемого Штаба все войска для наступательных действий против большевиков Великороссии.

5) Все вооруженные отряды Республиканских войск должны быть объединены и подчинены общей организации.

6) В оперативном отношении Республиканские войска подчиняются специальным штабам.

7) Оперативный Штаб образуется в нижеследующем составе: 1) Представителя союзного командования—генер. Д'Ансельма, 1-го—Добровольческой армии—ген. Гришина-Алмазова и 1-го—польских легионов—полк. Дзеваницкого.

8) В вышеуказанный штаб входит представитель Украинских Республиканских войск—Начальник Штаба ген. Матвеев.

9) В местах, занятых Республиканскими войсками, допускается беспрепятственное формирование отрядов добровольческой армии.

10) Все «заложники» и воевавшие в отрядах добровольческой армии офицеры, юнкера, казаки и др. немедленно освобождаются, с правом беспрепятственного следования, куда они пожелают.

11) Осадный корпус Отамана Янева, блокирующий Одессу, немедленно отодвигает свои отряды до ст. Раздельной Ю.-З. Ж. Д.

12) У. Н. Р. принимает энергичные меры недопущения созыва Трудового Конгресса.

13) У. Н. Р. обязуется не допускать на ее территории Советов Рабочих и Кр. Депутатов.

14) Союзное командование берет на себя обязательство допустить представителей У. Н. Р. на мирную конференцию.

15) Союзное командование будет всемерно поддерживать У. Н. Р. в ее борьбе с большевиками, снабжая боевыми принадлежностями.

Вышеозначенный договор должен быть контр-ассигнован Директорией У. Н. Р. в десятидневный срок.

Подписи:

Генер. Д'Ансельм	Контр-Адм. Ненюков.
» Борнус	Полк. Антонович.
Кап. Ланжерон	Полк. Дзеваницкий.
Адм. Балле	Генер. Греков.
Ген. Гришин-Алмазов	Генер. Матвеев.

Секретари: Сиркаль
Генер. Пильц.

Товарищи, будьте настороже.

Киевский Городской Комитет Партии
Коммунистов (большевиков) на Украине».

Это сообщение произвело впечатление ошеломляющее. Оно затмило собою все другие интересы, оно стало единственной темой всяких разговоров. Была сейчас же пущена вся тяжелая артиллерия, чтобы рассеять впечатление. И Винниченко и Греков и все остальные убеждали Конгресс, что никакого соглашения не было, что это сознательная ложь большевиков, что это провокация и т. д. Но одновременно с этим был распубликован следующий приказ комиссара армии Стрижевского.

«Извещаю, что вследствие необходимости передвижения французских войск по участкам Одесса—Раздельная—Тирасполь, Одесса—Аккерман и Одесса—Колосовка—Николаев по соглашении Директории с французским командованием указанные участки переходят в сферу влияния и руководительства французского командования. Прошу всех железнодорожников помнить, что мы ведем борьбу только против реакционных и анархических элементов, что республика Франции не может итти против интересов республики Украины; в виду этого мы не только не воюем с Францией, но и оказываем ей гостеприимство. Передачею указанных участков для нужд французских войск мы еще раз подчеркнем наши добрые отношения. Предлагаю до передачи и после таковой так же хорошо относиться к французским войскам, как относились до сего времени. Таким образом, товарищи железнодорожники исполнят не только свою задачу, но и задачу общегосударственную».

И еще один приказ того же Стрижевского.

«Одесса—Аккерман, Одесса—Раздельная—Тирасполь, Одесса—Колосовка—Николаев переходят в распоряжение Одесского управления железных дорог, которое принимает станции по актам в присутствии Директории, городских комиссаров и администрации станции. Я уверен, что товарищи железнодорожники будут работать и в будущем с двойной энергией для обслуживания армии, а также и друзей республиканцев—французов».

Трудовые массы помнили, что даже немцы не принимали по актам и распространялись по Украине под фирмой гостей независимой Украинской республики, а тут из рук украинских властей участки переходят в единственное распоряжение французов, в их нераздельную «сферу влияния». Итак, значит оккупация, голая, ничем и не пытающаяся прикрыться, началась... Если можно говорить о ложности большевистской прокламации, то ведь этого нельзя сказать о приказах Стрижевского!

Тут уже даже многие слепые прозрели. Большинство депутатов Конгресса ясно увидело, что не только «советистам», но и демократам не по пути с Директорией, а последняя увидела, что большинство против нее, а меньшинство, на которое она могла опереться, было вообще за роспуск Конгресса и за установление твердой диктатуры. Директория увидела, что мало радости она может ждать от Конгресса, и стала выискивать средства, как бы развязаться с ним. Всем стало до очевидности ясно, что вся шумиха с созывом Конгресса была напрасной со всех точек зрения, что не может быть сожительства между Директорией и «трудовым» представительным органом, даже созванным в условиях осадного положения, даже с фальсифицированными выборами и под «охраной» сечевых стрельцов. И когда слово было предоставлено тов. Рафесу, то он в необыкновенно яркой и красочной речи, произнесенной с большим воодушевлением, метко проанализировал всю обстановку, четко отпарировал доводы официальных представителей власти, и пришел к выводу, что Конгресс «есть только эпизод в истории украинской революции».

Конечно, разыгрался скандал после этих слов т. Рафеса, посыпались протесты, ругань, окрики председателя, свист «народа», но этот вывод не был красным словцом, а правдивым выражением того, что чувствовалось всеми.

После двухдневной кулуарной, фракционной и междуфракционной обработки, как я уже говорил, удалось собрать меньшинство в пользу роспуска Конгресса и вручения «полноты власти» Директории. Сессия Конгресса была названа первой, было дано неопределенное обещание о созыве «в скором времени» второй сессии, но все понимали, что это слова, никого даже не обманывающие.

28 января был выпущен универсал к украинскому народу, воззвание к войску, нота к народам мира, и Конгресс окончил свое короткое и бесславное существование. К этому времени большинство депутатов уже оказалось отрезанными от своих мест в виду приближения фронта к Киеву, а остальные должны были с боем добиться места в поездах, забитых спасающимися с тонущего корабля крысами.

Вскоре вся Украина покрылась Советами рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов под красным знаменем социальной революции. Среди французских моряков произошел известный мятеж, перешедший на сторону Красной армии атаман Григорьев занял Одессу, и Директория, захватив с собою отобранное у киевских ювелиров золото, вынуждена была искать гостеприимства у поляков и Антанты.

1919 год был годом генеральной схватки между Советами и армиями буржуазно-помещичьей реставрации. Вырастал откровенный контр-революционер Деникин. Обе стороны, красные и белые, должны были показать миру, кто из них имеет историческое право на существование, и в этой схватке двух классов не было места третьему, мелко-буржуазному, политиканствующему пигмею, путающемуся в ногах у обоих противников. Украинские рабочие и крестьяне в тесном союзе с трудящимися Советской России должны были расчистить поле для предстоящего поединка с Деникиным, и неумолимый закон истории подписал смертный приговор У. Н. Р. уже в тот момент, когда она родилась на свет.

Тов. Рафес назвал Трудовой Конгресс эпизодом в истории украинской революции. Эпизодом был весь этот короткий период от образования Директории до ее позорного конца.

Нелегко дается украинскому рабочему и крестьянину борьба за свое социальное освобождение. Географическое положение и громадные богатства Украины делают ее тем плацдармом, на котором происходят первые схватки между капиталом и освобождающимся трудом. Последняя страница еще не написана, и Украине, вероятно, придется еще вписать не мало славных глав в историю мировой социальной борьбы, Директория же с ее универсалами, нотами, блакитно-желтым прапором и двойной бухгалтерией, хотя и стоила украинским трудящимся не мало слез, горя и крови, но, несомненно, является мелким эпизодом в великой украинской революции.

С. Горелик.

МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ ИСТОРИИ РУССКОГО РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ ЗА 1881—1895 Г.Г.

Наличный материал для истории рабочего движения крайне ограничен. Легальная литература того времени и газеты прежде всего дают скудные и отрывочные сведения, как вследствие цензурных стеснений, так и вследствие слабого развития провинциальной прессы, с одной стороны, слишком недостаточной информации столичной печати—с другой [1]). Нелегальная литература этих переходных от народничества к марксизму лет переживала глубокий кризис своего существования, а внимание ее по преимуществу ведь было приковано к политической борьбе с правительством и лишь за гранями, нами отмеченными, когда начался, вместе с подъемом рабочего движения, и подъем нелегальной уже, с.-д., литературы, в последней («Работнике», «Рабочей Мысли», «Рабочем Деле» и т. д.») нашли достаточный отклик факта рабочего движения. Наконец, третьим видом источников является для этого периода, как и для других, административная переписка. Не имея сведений о ней во всем ее объеме, мы имеем возможность воспользоваться теми данными, которые поступали в департамент полиции. Однако, и последние не во всем своем былом объеме нам доступны. Оказалось, что большая часть интересующих нас архивных материалов была уничтожена самим деп. пол., как излишняя для его розыскных нужд, и осталась лишь часть соответствующих дел. Однако, некоторым коррективом последнему служит то, что погибший первоисточник нашел свое отражение в разного рода докладах и записках, сохранившихся до нас.

Таким образом, этот архивный материал имеет большею частью опосредствованный характер, благодаря чему события иной раз предстанут, быть может, без соответствующих деталей и, возможно, не в достаточной мере точно.

Задача, которая поставлена нами для нижеследующих материалов— собрать всевозможные, как изданные, так и неизданные данныя по истории русского рабочего движения. Разбросанные по недоступным иногда изданиям, либо совсем неизданные, они, однако, таковы, что должны быть достоянием не только узкого специалиста, но и широкого круга популяризаторов, лекторов и т. д.

[1]) Мы пользовались указателем С. Н. Прокоповича в «Трудах В.-Эк. Общ.», 1903 года.

Историк же специалист, который подойдет критически к нашим материалам, должен будет иметь в виду их двойственный характер, как источников (газета—административная переписка); учтет опосредствованный характер архивных материалов; поймет отрывочность, так досадно не договаривающую то либо иное известие; но, думается, именно эта отрывочность будет для него показателем ценности известия о факте, который иначе был бы утерян навсегда. Все не отмеченные особо данныя взяты из архивных материалов, при извлечениях из газет имеется ссылка на источник.

1881 г.

На ткацкой фабрике Тряпкина, при дер. Савостьяновой, близ ст. Дрезны, Нижегор. губ., рабочие забастовали вследствие понижения Тряпкиным заработной платы. «Никаких мер,—сообщал корреспондент,—к умиротворению со стороны местных властей покуда еще не принято; владелец же фабрики уверен, что рабочие угомонятся и так». Во время забастовки рабочие пьянствовали «все поголовно». («Нов. Вр.», 1881 г., № 1789, 18 февраля.)

26 мая, в г. Рыбинске, на Копаевской пристани многочисленная толпа рабочих стала препятствовать другим рабочим выгружать хлеб из барок, разрушая построенные для этой цели мостки. По прибытии станового пристава беспорядок тотчас прекратился. Дознанием выяснено, что беспорядки произошли на почве требования рабочими увеличения заработной платы. Впоследствии требование это было удовлетворено, и рабочие совершенно успокоились. Во время волнений было арестовано двое рабочих.

Среди рабочих, занятых устройством каналов на Мариинской водной системе, были беспорядки «вроде стачек, забастовок», а также рабочие убегали с работ, досадуя на несвоевременность выплаты денежного довольствия. 14 июня на Свирском канале 120 человек прекратили работы и возобновили их через три дня, только после «увещания» местной администрации. Всех работающих на каналах было до 8.000 человек, и администрация ожидала, что беспорядки опять возобновятся, если в начале июля рабочие не будут удовлетворены своевременной оплатой труда, что возможно было, так как, по собранным сведениям, в главной расчетной конторе не имелось наличных денег для удовлетворения рабочих.

Оренбургский губернатор сообщал, что в июне—июле на Миасских горных промыслах Троицкого уезда произошли беспорядки: рабочие бежали с приисков в количестве 145-ти. Из них 130 человек добровольно вернулись на работы, а остальные упорно отказывались приступить к работе. Вытребованные казаки временно были оставлены на приисках, а расследование дела передано судебному следователю.

7 июня состоялась сходка эстонских рабочих недалеко от департамента, перед корчмой мызы Ямы. Незадолго до появления полиции, рабочие разошлись. Дознанием выяснено, что рабочие собрались для того, чтобы ходатайствовать перед правительством об уменьшении налогов и податей путем письменного прошения или же чрез депутацию.

На собрании рабочих высказано было пожелание о наделе крестьян подушной землей. Трое лиц, произносивших на этом собрании «речи возмутительного содержания», арестованы, и о случае этом производилось следствие.

В местечке Дулёво, Покровского уезда, Владимирской губ., рабочие заводчика Кузнецова, работавшие неподалеку от завода, на торфяном болоте, устроили забастовку. Толпа более чем в двести человек, покинув работу, явилась в заводское управление с требованием прибавки платы, грозя, в противном случае, совсем оставить торфяники и отправиться на родину, в Смоленскую и Калужскую губернии. Управляющий заводом Чернышев успокоил толпу обещанием 25-копеечной прибавки на тысячу штук, и работы возобновились. Забастовка ознаменовалась поголовным пьянством, в котором приняли участие и остальные 500 рабочих, не участвовавшие в стачке. («Голос», 6 июня 1881 г., № 155.)

На тех же торфяных разработках фабриканта М. С. Кузнецова, близ местечка Дулёва, рабочие вторично забастовали. Толпа в 170 человек, поощренная недавней уступкой со стороны владельца и прибавкою платы, требовала новой платы и выдачи денег вперед. На место происшествия явилась полиция гуслицкого участка, так как место работ находится на границе соседнего Богородского уезда, Московской губернии. Управляющий Кузнецова, Чернышев, находил требование рабочих вымогательством и предложил всем недовольным уйти. «Набралось более 70-ти человек, сообщает корреспондент, которые, забрав под работу вперед около 900 рублей, лениво работали, проводя время большую часть в ближайшем кабаке. Заводское управление Кузнецова не пожелало задерживать этих беспокойных людей, которые смущали остальных рабочих, и выдало им паспорта. В забастовках они очень напрактиковались: где ни работали, везде старались забрать деньги и потом требовали повышения заработной платы». («Голос», 1881 г., № 177, 28-го июня.)

«Беспорядки на нашей Ряжско-Вяземской железной дороге не прекращаются: недавно только рабочие Калужской дистанции получили жалование за апрель; на некоторых же других дистанциях рабочие не получили еще за март. Вообще, уплата производится весьма туго. На одной станции рабочие не пустили дрезину с артельщиками, до полной расплаты с ними; на другой станции рабочие телеграфировали губернатору, прося о содействии. На некоторых станциях нанимали рабочих по 75 коп., а расчет хотели произвести по 50 коп.». («Голос», № 155, от 6/VI 1881 г.)

В конце сентября на фабрике наследников Н. Зубкова в Иваново-Вознесенске испортился цилиндр, от которого зависят ход и правильность работы всей фабрики. Временно он был заменен другим, хотя и плохо подогнанным, и ткачи кое-как успевали наверстывать свой заработок. С октября начинается новый наем рабочих по новым зимним ценам, о коих фабрикант обязан известить рабочих за две недели до 1-го октября, чтобы не желающие принимать новых условий могли за это время найти другую работу, на других фабриках; между тем, как в один голос передают рабочие, объявление о зимних ценах последовало всего за два дня до 1-го октября. Отчасти этим обстоятельством многие рабочие вынуждены были пойти и на новые условия и остаться на фабрике до Пасхи. Между тем, в конце октября из заграницы прибыл новый цилиндр; на постановку его тратится три дня, за которые рабочие не получают платы; в работе же оказывается он очень плохим: часто останавливается, идет или очень тихо, или чересчур уж быстро, — и ткать, как в том, так и в другом случае нельзя. Сдельная плата ткачей и ткачих вследствие этого убавилась наполовину. Ткач, который поштучно зарабатывал при хорошей машине 12—15 руб., едва успел зарабатывать 8—9 руб., да и то не всякий. Поставленные таким образом в совершенно невыгодное положение рабочие обращаются сначала к хозяину фабрики и просят помочь их беде, тот обещает прибавку, но на деле не выполняет. Видя безуспешность своего ходатайства у хозяина, они прекращают работу и отправляют от себя депутатов к полицеймейстеру, с просьбою вывести их из затруднения. Полицеймейстер приехал и составил акт о «стачке». Рабочие, между тем, ожидают, что, вследствие жалобы, для них что-нибудь сделают; ждут дня два-три, наконец, принимаются опять за работу, как приезжает на фабрику мировой судья. Рабочие судятся за «стачку», и 348 человек их присуждаются к семидневному аресту в арестантской. Они хорошо сознают несправедливость постигшей их кары, но в обжаловании решения судьи в съезд является для них большое затруднение. Никто из местных ходатаев по делам и поверенных не обнаруживает смелости принять на себя защиту рабочих. Думали они, было, сложившись по 50 коп. или по рублю, пригласить адвоката со стороны и собрались потолковать об этом, но их разогнали, как начинающих якобы стачку. («Русская Мысль» 1882, IV, с. 145—6.)

1882 г.

На пермском пушечном заводе в первых числах февраля, в одном из механических отделений (в слесарном), между рабочими, в числе около 200 человек, произошла стачка с прекращением работ. Ближайшим поводом

к ее возникновению послужило назначение некоего Чурилова на должность главного мастера, который в среде рабочих приобрел известность своими непомерными притеснениями и сбавкою заработной платы, и притом отличается полным невежеством не только в научно-технических знаниях, но и в самых простых практических. Рабочие требуют или удалить ненавистного им человека или дать им окончательный расчет («Русск. Курьер», 1882 г., № 46, 17 февр.)

Фабрикант Грезон в Иваново-Вознесенске без предупреждения, как бы следовало по закону, закрыл фабрику и оставил около 200 человек без работы в такое время, когда работу найти очень трудно — за несколько недель до Пасхи, от которой обыкновенно идут наймы. Рабочие предъявили через поверенного иск об убытках («Русск. Курьер», 1882 г., № 50, 21 февраля.)

---

15 февраля в Иваново-Вознесенске толпа, человек в 500 рабочих, отыскивала подлежащее начальство с тем, чтобы просить защиты от фабриканта Дербенева. Вот, в чем дело, как оно представляется по рассказу рабочих. Дербеневы купили плохую основу для тканкой, конечно, из-за дешевизны. Основа эта постоянно обрывается, надо надвязывать нитки и останавливать машину: через это теряется, конечно, время и заработок у ткачей, работающих обыкновенно «сдельно», с куска. Не досмотри немного, и оборвавшаяся нитка дает в куске неровность, «блик», за что с ткача записывают штраф до 20 коп. Довольно повториться двум «бликам» в день, чтобы ткач лишился всего своего дневного заработка, имея в виду месячную выработку рублей на 12—15 и около $1^1/_2$ куска в день средним числом. («Русский Курьер», 1882, № 50, 21 февраля.)

В деревне Волынкиной, Петербургского уезда, на бумагопрядильной фабрике Кноп и К° (бывшей Штиглиц) 3 марта произошла стачка, и никто из рабочих не явился на работу. Поводом к этому, как объяснили рабочие, послужило наложение на них конторой фабрики «больших несправедливых штрафов, так что каждому рабочему приходится платить такового более пяти рублей в месяц».

Среди рабочих механических мастерских Варшавско-Венской и Бромбергской железных дорог, по поводу предполагавшегося сокращения рабочих, произошли беспорядки. Начальник варшавского отделения жандармского полицейского железнодорожного управления сообщал, что, по приказанию начальника мастерских, рабочим был прочитан циркуляр управления дорог по поводу неосновательности распространившихся между ними слухов. Рабочим предложено было расписаться на листе о том, что циркуляр был им опубликован. Рабочие же, не разобрав, в чем дело, стали

побуждать товарищей не подписывать листа, уверяя, что подписи их собирают совсем для другой цели, а именно — для выражения согласия рабочих на оставление в мастерских нелюбимого мастера-немца; несколько рабочих разорвали лист и сожгли его. Дальнейшего же хода беспорядки не имели.

---

19 мая на петербургском гвоздильном заводе, принадлежащем акционерной германской компании, произошла стачка, по случаю понижения заработной платы на 10 процентов («Дело», 1883 г., I, с. 73.)

Астраханский губернатор сообщает, что в конце мая ломщики соли на Эльтонском соляном озере прекратили работы. Рабочие требовали увеличения заработка, мотивируя свое требование барышами, получаемыми подрядчиками от отмены акцизной платы за соль. Два дня царевский уездный исправник уговаривал рабочих приступить к работам, но успеха не имел. 200 человек рабочих собрали свое имущество и стали уходить из занимаемых ими помещений; однако, через некоторое время 150 человек вернулись и согласились работать на прежних условиях. 50 же рабочих, уроженцев Пензенской губернии, ушли домой.

1-го июля, в С.-Петербурге до 200 человек рабочих на угольных судах, стоящих в бассейне Николаевской железной дороги, забастовали. Рабочие требовали повышения платы, причем угрожали хозяевам побоями; один из шумевших рабочих поднял на багре красный значек. Беспорядок был тотчас же прекращен, а семь рабочих «подстрекателей» к стачке в тот же день были высланы из столицы.

---

19 июля в Лодзи фабрикант резиновых изделий Гайзер изменил некоторые условия найма рабочих. Последние, недовольные этим изменением, «отказались на следующий день продолжать работы». Местному полицеймейстеру удалось «миролюбиво» уладить конфликт между рабочими и хозяином фабрики.

---

22 июля, в московском уезде, на Третьяковской Горинской мануфактуре произошли беспорядки. Часть прядильщиков отказалась итти на работы и в корпусе занимаемого рабочими здания выбили до 800 стекол и 52 оконных рамы.

Порядок был водворен, после ареста 13 рабочих-зачинщиков, к вечеру того же дня. Поводом к беспорядкам послужили недоразумения между директором и рабочими по вопросу об увеличении задельной платы за летние месяцы, так как рабочим было обещано возвышение платы, которая, однако, оставалась в прежнем размере.
